

Е.В. Верижникова (Москва, Россия)

Русские в творчестве Блаже Конеского

Аннотация: Русская культура занимала важное место в круге интересов Блаже Конеского. В ряде произведений запечатлены образы русских эмигрантов, с которыми Блаже Конеский был знаком. Яркие образы дополняют представление о жизни и судьбах русского зарубежья. Статья знакомит с тремя произведениями автора, посвященными Владимиру Владимировичу Бутчику, библиотекарю Института славяноведения в Париже, выдающемуся ученому Владимиру Алексеевичу Мошину и русскому игумену Виталию.

Ключевые слова: Блаже Конеский, русская эмиграция, Владимир Владимирович Бутчик, Владимир Алексеевич Мошин, русское монашество

E. V. Verizhnikova (Moscow, Russia)

Russians in the Work of Blaže Konesky

Abstract: The Russian culture has prominently been a field of interests of Blaže Koneski. A number of works capture the Russian emigrants, with whom Blaže Koneski was acquainted. Their vivid images complement the representation of the Russian diaspora life and fate. The article introduces three works of the writer. Each of them is dedicated to one Russian: a librarian of the Institute of Slavic Studies in Paris Vladimir Vladimirovich Butchik, an outstanding scientist Vladimir Alekseevich Moshin and one Russian hegumen Vitaly.

Key words: Blaže Koneski, Russian emigration, Vladimir Butchik, Vladimir Moshin, Russian monasticism

Российская наука, русская культура были для Блаже Конеского важным источником вдохновения – и научного, и художественного. Глубокое знание русского языка и литературы позволило создать прекрасные поэтические и прозаические переводы (Блока, Брюсова, Маяковского, Багрицкого и др.). Широкий круг знакомых и друзей Блаже Конеского среди российских ученых, писателей, поэтов.

В ряде художественных произведений Блаже Конеского запечатлены образы русских эмигрантов. Лирические записи «Встреча в раю» (1986), «Тихий Дон» (1986) и стихотворение «Успение Владимира Мошина» (1987) посвящены разным людям. С одним из них автора связывала многолетняя дружба, с другим – краткое приятельство, с третьим – случайное знакомство; разными были их судьбы и след,

оставленный в истории, но каждое произведение в отдельности и все они вместе много говорят о доле русского человека, оторванного от родины. Теперь, когда пришло время собирания «в рассеянии сущих», Блаже Конеский силой своего дара возвращает нам образы наших соотечественников, доносит их голоса и речь, которую мы можем услышать сквозь македонский текст.

1. В лирической записи (так сам автор определяет жанр произведения) «Встреча в раю» Блаже Конеский рассказывает о знакомстве с библиотекарем парижского Института славяноведения господином Бутчиком и кратком, не более полугода, общении с ним в 1956–1957 гг. Это действительно всего лишь зарисовка, эпизод из жизни двух людей, жизненные пути которых случайно пересеклись, чтобы вскоре разойтись навсегда. Мы не узнаем почти никаких фактических сведений о библиотекаре: ни биографии, ни возраста, ни даже имени, но его образ, живой и щемяще трогательный, не изгладится из памяти. Это история двух иностранцев, оказавшихся в величественном городе, построенном великим народом, к которому ни один из них не принадлежит. Встреча душ, почувствовавших родство. Господин Бутчик показывает (и это знак притяжения и доверия) своему македонскому другу составленную им библиографию переводов русской классики на французский язык, снабженную анализом и критикой. Эту книгу можно отыскать в библиотеке и найти иллюстрацию, возмущившую господина Бутчика, прочесть предисловие [Boutchik 1947]. Но читателю обязательно захочется больше узнать об этом человеке.

Долгая и нелегкая жизнь стоит за сухими фактами:

БУТЧИК Владимир Владимирович (1892 – 1 марта 1980, Париж, пох. на клад. Сент-Женевьев-де-Буа). Подполковник лейб-гвардии Егерского полка, библиограф. Окончил Пажеский корпус. Участник Гражданской войны, воевал в составе Марковского полка. Эвакуировался в Галлиполи. В эмиграции жил во Франции. Член суда чести Объединения лейб-гвардии Егерского полка (1930), председатель полкового объединения. Член Общества друзей русской книги (1930-е). Работал библиотекарем Института славяноведения в Париже. Издал совместно с С.В. Яблоновским русскую хрестоматию для французов, изучающих русский язык. После Второй мировой войны привел библиотеку в порядок. Писал работу о С.Т. Аксакове. Редактор «Вестника гвардейского объединения». Публиковался в журнале «Возрождение». Выпустил библиографию художественных переводов на французский язык, за что был удостоен премии «Академические пальмы». Почетный библиотекарь Института славяноведения [Русское зарубежье 2008].

Биография дает нам еще один ключ: единственное имя, Жорж Дюамель (1884–1966), которое упоминает В.В. Бутчик, появляется отнюдь не случайно. Бутчику важно его мнение, его оценка. Возможно, немаловажно и то, что французский писатель, врач по образованию, тоже был участником Первой мировой войны, его произведения пронизаны состраданием к людям, к раненым и больным солдатам.

В.В. Бутчик был связан деловыми отношениями и перепиской с А.М. Ремизовым, которого консультировал в связи с переводом «Скверного анекдота» Ф.М. Достоевского. Письма Ремизова к Бутчику опубликованы [Lettres 1981]. Из краткой сопроводительной заметки, написанной Бутчиком, мы узнаем, что он «приехал в Париж в конце 1923 г., после ряда случайных занятий только примерно через год начал работать в русском книжном магазине “Москва”, на улице Дюпюитрен, в районе театра Одеон. Здесь и произошло знакомство с А.М. Ремизовым» [Lettres 1981: 295].

О большом авторитете В.В. Бутчика говорит и оценка Ремизова, которую цитирует в «Дневнике моих встреч» Ю.П. Аненков: «Я спрашивал... не появилось ли чего о “Скверном анекдоте”, нет ли каких-либо клочков и заметок, как работал Достоевский? Но и сам Бутчик, а в книжных делах он настоятель, рече Boutchik, сказал мне бестрепетно: “ничего”» [Анненков 1991: 214].

Все эти факты оживают благодаря портрету, который создал Блаже Конеский. Перед переводчиком стоит нелегкая задача: сделать обратный перевод, угадать, как слова Бутчика когда-то прозвучали по-русски. При этом следует иметь в виду, насколько возможно, его языковую личность. В некоторых случаях подсказку может дать сам текст. Так, в характеристике отношения к русской литературе использовано слово «светотатски», отсутствующее в македонском языке. В собрании сочинений научный редактор даже сопровождает его комментарием: «слово приводится в соответствии с текстом оригинала» [Конески 2014: 353]. Видимо, оно сохранилось в памяти автора даже спустя много лет.

2. Самым близким из трех человек, которым посвящены произведения Блаже Конеского, был для автора Владимир Алексеевич Мошин (9 октября 1894, Санкт-Петербург – 3 февраля 1987, Скопье), выдающийся филолог и историк, славист, византинист, основатель югославянской палеографической науки [Булатова 1996], академик Македонской академии наук и искусств (с 1974). С русским ученым Конеского связывали научные интересы и многолетние дружеские отношения. На смерть В.А. Мошина поэт написал стихотворение-плач¹ об ушедшем близком человеке.

УСПЕНИЕ НА ВЛАДИМИР МОШИН

Суни
ситната камбана
на Свети Димитрија.
Непризнатата црква
опева еден непризнат светител
на радост на samego Бога.

Тебе те испраќаме,
тебе,
Владимире Мошин,
тебе што дури од Петроград
се прибра најпосле овде,
да бидеш со нас
презирајќи ги фарисеите.

О поручниче,
о професоре,
о ставрофоре!

Дали случајно било
да станеме пријатели
ти и јас,
стари пријатели?
И сега јас,
збунет
да те испраќам?

УСПЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОШИНА

Звонит
невеликий колокол
храма Святого Димитрия.
Церковь, миром не признанная,
отпевает непризнанного святого
на радость Господу Богу.

Ныне,
Владимир Мошин,
мы провожаем тебя,
скитальца из дальнего Петрограда,
нашедшего здесь пристанище.
Ты с нами остался,
презрев фарисеев.

Ооо, поручик!
Учитель!
О, ставрофор!

Судьбой ли было назначено
сдружиться тебе и мне,
старыми стать друзьями?
И как же теперь,
мне навеки
с тобою
проститься?

¹ Стихотворение впервые опубликовано в сборнике «Црква» (1987).

Глубоко эмоциональное поэтическое произведение тем не менее содержит и отсылки к биографии русского ученого. Строфа

О поручниче,
о профессоре,
о ставрофоре!

говорит о трех ипостасях Владимира Мошина, который в 1914 г. добровольцем ушел на фронт, за участие в сражениях был награжден георгиевской медалью [Из воспоминаний... 2000: 182], в 1920 г. присоединился к Добровольческой армии, а в 1921 г. эмигрировал в Югославию, много преподавал в гимназиях и на факультетах университетов в разных городах Югославии, в 1942 г. был рукоположен в диаконы, а вскоре и в священники («ставрофор» ставрофорный протоиерей – священник с правом ношения креста). Научная и церковная деятельность В.А. Мошина подробно и обстоятельно освещается в целом ряде научных трудов [Булатова 1996; Живоинович 1996; Косик 2000; Нивьер 2007]. Отметим здесь лишь то, что непосредственно касается стихотворения, а также значения Мошина для Блаже Конеского и для Македонии в целом.

Ни одно слово в стихотворении не случайно, каждое содержит важную отсылку.

Автор упоминает родной город Владимира Алексеевича, называя его «Петроград». Город сменил имя в августе 1914 г., именно в этом году Мошин его покинул. И здесь поэт точен. В мемуарах русского ученого читаем: «В феврале я жил в Петрограде... захваченный, как и все общество, напряженностью политической атмосферы...» [Из воспоминаний... 2000: 183].

Значение строки «се прибора најпосле овде» можно было бы передать и как «в конце концов нашел себе здесь пристанище», и как «вернулся восвояси». За 65 лет, проведенных в Югославии, Мошин жил и работал в разных городах страны (Копривница, Белград, Панчево, Загреб и др.). Приезжал он и в Скопье: в 1930–1931 гг. преподавал на философском факультете Университета истории Византии и Римского царства [Из воспоминаний... 2000: 196]. В 1939 г. В.А. Мошин вновь был приглашен на кафедру византиноведения, но с началом войны он возвращается в Белград из оккупированной Македонии, отказавшись от предложения перейти на службу в Болгарию. В следующий раз он приезжает в Скопье в 1967 г. и остается здесь до самой смерти. Он с нуля создает центр археографических исследований в Архиве Македонии, обучает молодых исследователей, читает курс палеографии на филологическом факультете (1969–1975) [Македонска енциклопедија 2009: 992], готовит к изданию и описывает средневековые рукописи.

Значение В.А. Мошина, оценка его вклада, восприятие роли ученого в развитии македонской науки отражает и статья в македонской «Википедии»: «Владимир Алексеевич Мошин <...> – македонски филолог, универзитетски професор и член на МАНУ. Тој бил еден од најголемите проучувачи и познавачи на македонското книжевно наследство»¹ (курсив мой. – Е.В.). Для сравнения приведем шапку статьи и из русской «Википедии»: «Владимир Алексеевич Мошин – русский историк и филолог, протоиерей, один из наиболее ярких представителей белоэмигрантов в Югославии».

Еще одно важное слово из стихотворения, нуждающееся в комментарии, – «фарисеи». Здесь Конеский подразумевает тех, кто отрицает самобытность македонского народа, отказывая ему в идентичности, праве на самостоятельность.

¹ https://mk.wikipedia.org/wiki/Владимир_Мошин

О взглядах русского ученого в связи с этим вопросом красноречиво свидетельствуют приведенные в статье Р.В. Булатовой слова самого В.А. Мошина в связи с подготовленным им многотомным изданием «Дипломатического корпуса», собрания грамот и документов-памятников истории македонского народа.

«Основная проблема самой возможности существования такого собрания актов государственного значения для истории народа, находившегося на протяжении веков под чужеземной государственной властью, находит свое оправдание в современном понимании исторического процесса человеческих обществ, изучаемого не со средневековой точки зрения владычествующих династий...» Владимир Алексеевич исходит из того, что территория и народ (с его языком) оставались константными, «сохраняя свою исконную историческую самобытность при переменчивости третьего фактора – власти» ([Булатова 1996: 194–195]; цитируются машинописные мемуары В.А. Мошина).

Отстаивание самостоятельности, самобытности языка и нации – то, чему Блаже Конеский посвятил свою жизнь. Единомышленник, коллега дорог ему и как друг, и как ученый, и как человек, так много сделавший для его народа.

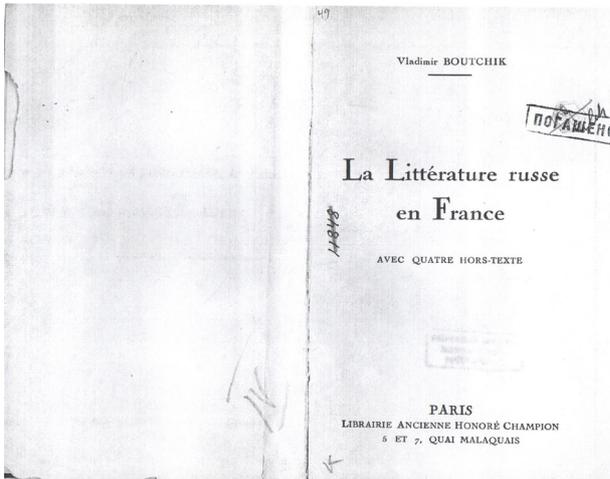
3. Третий текст, прозаическая лирическая зарисовка «Тихий Дон», рассказывает о единственной короткой встрече Блаже Конеского весной 1950 года с игуменом Виталием в одном из македонских монастырей.

Очерк открывает читателю еще одну страницу в истории русского зарубежья: судьба церковной эмиграции. Велика роль русского клира, оказавшегося в Македонии после революции 1917 г., в духовной жизни народа. Исследователь истории русского священства и монашества в Македонии игумен Николай (Трайковский) свидетельствует, что во время своих поездок по монастырям он не обнаружил ни одного, где не было бы могил русских иноков. Зачастую это были погребения последних насельников монастыря перед тем, как монашеская жизнь в нем угасла [Трайковски 2011: 9]. По сведениям отца Николая, в македонских обителях в межвоенный период их насчитывалось несколько сотен. Наряду с монахами, изгнанными из родного монастыря у себя на родине, были и те, кто избрал иноческую жизнь уже в Македонии [Трайковский 2012: 13]. В обителях находили кров и самые бедные беженцы из России, нуждавшиеся во временном пристанище. Были среди них и инвалиды-белогвардейцы. Именно таких героев, участников событий на Дону времен Первой мировой и Гражданской войн, встретил во время экспедиции Блаже Конеский.

Эти три портрета вместе представляют разные лики русской эмиграции. Благодаря таланту Блаже Конеского мы видим, какими они были, они возвращаются к нам.

ВСТРЕЧА В РАЮ¹

В конце 1956 года я впервые приехал в Париж, где прожил несколько месяцев, до мая следующего года.

Этот город ошеломил меня, подавил мою волю. Я чувствовал себя растерянно перед этим дивным дивом, которе веками создавал и обустроивал великий народ. Подумалось: может быть, конечная цель любого большого народа – создать великий город с неповторимым обликом, лицом и душой.

И все же мне удалось найти внутреннюю опору. Прибежищем мне стало полутемное помещение Института славяноведения на улице Мишле 9. Вот только меня там встречала мрачная фигура старого библиотекаря, русско-

го эмигранта господина Бутчика. Худой, кожа да кости, лысый, на лице застыла гримаса, как будто он страдает от мучительной боли. Господин Бутчик был далек от тех любезных и приветливых библиотекарей, всегда готовых перекинуться парой слов и даже помочь читателю советом. Нет, он не только не привлекал своих гостей, он скорее их отпугивал. Особенно господин Бутчик был суров к новичкам. Он с головы до ног окидывал вас взглядом, преисполненным подозрения и холодности, от чего пробегали мурашки. Может быть, еще и поэтому в полумрачной зале всегда было немного посетителей.

Но я стойко держался в течение нескольких месяцев и, похоже, успешно прошел карантин. По натуре я очень осмотрителен с недружелюбными людьми, стараюсь не задеть их резким жестом или снисходительной интонацией. Неплохое знание русского языка и литературы помогло мне мало-помалу сблизиться с господином Бутчиком. День ото дня я чувствовал себя все свободнее в его присутствии, но и тогда старался ничем не нарушить крепнущее согласие.

В том, что гармония достигнута, я убедился, когда господин Бутчик сам предложил мне прочесть составленную им библиографию французских переводов русской литературы. Книжка была полна гнева, казалось, желчь сочится с ее страниц. Господин Бутчик по праву негодовал, что французы не только мало переводят с русского, но еще и относятся святотатственно к великим творениям русского духа. В качестве иллюстрации в его работе воспроизводилась облож-

ESSAI SUR LE DESTIN

braires et des éditeurs l'ont feuilletée et la feuilletent toujours avec indifférence.

« Votre catalogue ne nous intéresse pas », disent les libraires.

« Nous avons déjà fait la publicité », déclarent les éditeurs.

Se procurer des renseignements sur les livres parus mais qui ne sont pas encore à la Bibliothèque Nationale est une entreprise ardue, sinon impossible. Je ne parle pas bien entendu de quelques amis éditeurs et traducteurs qui me tiennent au courant de leurs publications. A La Maison du Livre Étranger, librairie russe de Paris, je trouve toujours un accueil amical : un riche étalage m'offre les volumes que j'ai besoin de feuilleter. Ce m'est un devoir bien agréable, de remettre tous ceux dont l'impression est facile ma tâche, de chroniqueur des œuvres littéraires russes traduites en français.

Dix ans ont passé et l'expérience a prouvé l'utilité d'un pareil ouvrage. Il convenait d'en faire une nouvelle édition entièrement remise à jour.

Ce manuel bibliographique sera consacré aux ouvrages publiés en volume et s'en tiendra aux œuvres littéraires, mais pour tout auteur cité, on y trouvera l'énumération complète de celles de ses œuvres traduites, quel qu'en soit le sujet ; tel, par exemple, l'imprimerie Catherine, Heron, Léon Tolstoï, Vladimir Soloviev.

— 48 —

1908 (19,5 x 14) 11e partie, ch. XI.

¹ Тексты даны в переводе автора статьи. Оригинальные тексты этого и следующего произведения Блаже Конески (см. [Конески 2014: 191, 182]) впервые опубликованы в журнале «Разгледы» (1986. № 7–8), позже вошли в цикл «Дневник по многу години» (Дневник, <написанный> по прошествии лет).

ка издания перевода «Анны Карениной», на которой героиня была представлена ни много ни мало как дама из кафешантана. Какое непонимание, какое ужасное опошление! Я понял тогда, как и почему, капля по капле в этом человеке копилась горечь, вытравляя прежнюю веселость, бесследно стирая улыбку с лица.

Когда я возвращал ему книгу, он будто даже с трепетом ожидал моих слов и был очень польщен, когда я сказал, что, по-моему, он преподавал хороший урок французам. «А знаете ли, господин Жорж Дюамель, когда ее прочитал, только одно и произнес? – поделился господин Бутчик. – Он трижды воскликнул: «Je proteste! Je proteste! Je proteste!»

Насколько мы с суровым господином Бутчиком сблизились, я почувствовал, когда настало время уезжать. «Вот так, – сказал он, – встретятся люди, подружатся, и уже пора расставаться». Голос его дрогнул, в светлых глазах стояли слезы.

Двенадцать лет спустя я снова оказался в Париже, на сей раз я должен был прочесть лекцию в том же Институте. Я почти не надеялся, что увижу господина Бутчика, которого я не забыл, но связи с ним не поддерживал. И все же он встретил меня почти у порога. После приветствий и первых же слов он сказал: «Я уже много лет на пенсии и больше сюда не хожу, а уж на лекции и подавно. Я здесь только затем, чтобы повидать вас. Едва ли нам придется еще раз свидеться в этой жизни, и потому хочу сказать вам нечто очень важное. Когда попадете в рай, чтоб не искать меня долго, не тратить времени, помните – я жду вас у входа с правой стороны».

Пишу эти строки, и кажется мне, что господин Бутчик поглядывает на меня сверху из небесного окошка. Хотя это было ему несвойственно, теперь он улыбается и словно говорит: «Место встречи назначено, а время я точно узнаю из ежедневного райского бюллетеня. Я и здесь работаю в библиотеке».

«ТИХИЙ ДОН»

Как-то весной 1950 года мы, двое преподавателей и несколько студентов, отправившись для диалектологических разысканий в район Кратово, захали в Лесновский монастырь¹ и остались там на ночлег.

Я хорошо помню пробуждение на следующий день. В комнате уже лежал сноп яркого утреннего света. Слух с удивлением различал крики павлинов и звяканье железа по булыжнику. Я выглянул в окно. По двору ходил юродивый Дончо, весь опутанный веригами, волочившимися по земле и издававшими скрежещущие звуки. Он был в крестьянской одежде, лохмотья которой, казалось, поддерживали только цепи. Дончо следовал древней традиции. В монастыре он был единственным из наших мест. Двое других были русскими.

Еще в Злетове² или Пробиштипе мы узнали, что игумен Виталий в России был офицером кавалерии. Накануне мы познакомились с ним и с заведенным им порядком. В годах, поседевший, высокий и прямой, он при ходьбе слегка подволакивал правую ногу – след старого ранения, полученного в боях с красными. Немало русских эмигрантов, подобно ему, нашли прибежище в наших монастырях, доживая здесь свой век. Мне даже доводилось слышать, чему, конечно, верить не стоит, что и страшный Нестор Махно, предводитель анархистских банд на Украине, закончил свои дни, скрываясь под монашеским именем в Черногории.

Виталию прислуживал Павел. Похоже, он еще в России был при нем ординарцем, так он и держался, каждый раз подходя к своему господину с полупоклоном. Павел – человек мирской, носит сапоги и кепку. По установившемуся между ними обычаю,

¹ Монастырь во имя архангелов Михаила и Гавриила в селе Лесново близ г. Пробиштип (восточная Македония).

² Село недалеко от монастыря.

он время от времени подносит командиру стопку ракии и стакан воды, благодаря чему тот постоянно пребывает в приподнятом состоянии духа. Говорит он не монашески-смирненно, а решительно командует. Дончо и Павел – последние остатки его отряда.

Под его управлением, но никак не по его вине, монастырь переживает не лучшие времена. Восточные ворота обвалились, жилые помещения с той стороны начали разрушаться. Даже купол храма порос бурьяном.

В церкви осталось всего несколько книг из тех двадцати кип, которые сто лет назад насчитал в Леснове Йордан Хаджи Константинов-Джинот¹. Впрочем, и они представляют интерес. Меня привлекли монастырская амбарная книга и «Чудеса пресвятой Богородицы» Иоакима Кырчовского².

Я начал переговоры с Виталием, чтобы он уступил их для нашей семинарской библиотеки. Он сначала было немного помялся, но согласился, когда я обещал прислать большую интересную книгу на русском языке.

Весьма кстати у меня дома оказался «Тихий Дон» в одном томе, и сразу по возвращении я послал его Виталию, теперь уже не вспомню, по почте или, скорей всего, с оказией.

К моему удивлению, спустя некоторое время пришла почтовая открытка, написанная по-русски. «Большое спасибо за книгу, – писал Виталий. – Читаю и то смеюсь, то плачу. Все, что там написано, – суцая правда. Ведь я и сам там был!»

Кто знает, подумал я, довелось ли Шолохову услышать такой отзыв от своих читателей, а уж тем более – от своих героев.

Когда через несколько лет я снова оказался в Леснове, Виталия и его спутников уже не было среди живых. Нас встретила ключница. Церковь была отреставрирована, купол покрыт заново, развалины с восточной стороны расчищены. Женщина по секрету сообщила нам, что мастера, выполнявшие работы в церкви, якобы нашли золото, забрали его и были таковы. О монастырях всегда ходят подобные легенды. Не припомню, спросил ли я тогда, где покоится Василий. Должно быть, на сельском кладбище, потому что в монастырском дворе я не видел могилы. Если мне не доведется, пусть кто-нибудь спросит об этом. А если когда-нибудь случайно в Леснове обнаружится том «Тихого Дона», пусть знают, когда и как он попал туда.

ЛИТЕРАТУРА

Анненков Ю.П. Дневник моих встреч: Цикл трагедий / Предисл. Е.И. Замятина: В 2 т. Т. 1. Л.: Искусство, 1991. 343 с.

Булатова Р.В. Основатель югославской палеографической науки – В.А. Мошин // Русская эмиграция в Югославии. М.: Индрик, 1996. С. 183–199 (inslav.ru/images/stories/pdf/1996_emigracija.pdf).

Живоинович М. Владимир Алексеевич Мошин как историк Афона // Русская эмиграция в Югославии. М.: Индрик, 1996. С. 174–181.

Из воспоминаний академика, протоиерея Владимира Мошина // Косик В.И. Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000. С. 205–221 (zarubezhje.narod.ru/texts/chss_0651.htm).

Конески Б. Проза / Приредила Катица Кулаковска. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2014. 364 с. (Целокупни дела на Блаже Конески: критичко издание / Милан Гурчинов; Т. 4): koneski.manu.edu.mk/wp-content/uploads/2021/10/4-tom-KONESKI.pdf

¹ Йордан ХаджиКонстантинов-Джинот – просветитель XIX в., деятель национального возрождения.

² Иоаким Кырчовский (ок. 1750 – ок. 1820) – иеромонах, македонский просветитель, проповедник и переводчик.

Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2000. 287 с.

Македонска енциклопедија / [Главен и одговорен редактор Блаже Ристовски]. Т. 2. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2009. С. 812–1671.

Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2007. 576 с.

Русское зарубежье во Франции: 1919–2000: Биографический словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010. (Дополнения. 2010. 757 с.; <https://dommuseum.ru/museum/nauka/slovar/slovar/?search=Бутчик&id=200>).

Трајковски Никола, игум. Света Русија: записи од Македонија. Скопје: Темплум, 2011. 168 с.

Трайковский Николай, игум. Русские монахи в Македонии / [Пер. с македон. Елены Верижниковой]. Скопје: Македонска реч, 2012. 77 с.

Boutchik Vladimir. La littérature russe en France. Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion, [1947] 116 p., 4 leaves of plates.: ill.

Lettres d’Aleksiej Remizov à Vladimir Butčik / Publication d’Hélène SINANY-Mac LEOD // Revue des études slaves. 1981. T. 53. Fascicule 2. P. 293–312 (www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1981_num_53_2_5145).

REFERENCES

Annenkov Yu.P. Diary of My Meetings: A Cycle of Tragedies / Foreword by Ye.I. Zamyatin: In 2 vols. Vol. 1. Leningrad. Iskusstvo Publ. 1991. 343 p.

Bulatova R.V. The Founder of the Yugoslav Paleographic Science – V.A. Moshin. In: Russian Emigration in Yugoslavia. Moscow. Indrik Publ. 1996, pp. 183–199 (inlav.ru/images/stories/pdf/1996_emigracija.pdf).

Zhivoinovich M. Vladimir Alekseevich Moshin as a Historian of Athos. In: Russian Emigration in Yugoslavia. Moscow. Indrik Publ. 1996, pp. 174–181.

From the Memoirs of Academician Archpriest Vladimir Moshin. In: Kosik V.I. Russian Church in Yugoslavia (20–40s of the 20th century). Moscow. 2000, pp. 205–221 (narod.ru/texts/chss_0651.htm).

Koneski B. Proze / Ed. by K. Kulavkova. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts Press. 2014. 364 p. (The Complete Works of Blaže Koneski: Critical Edition / Milan Gyurchinov; vol. 4): koneski.manu.edu.mk/wp-content/uploads/2021/10/4-tom-KONESKI.pdf

Kosik V.I. Russian Church in Yugoslavia (20–40s of the 20th century). Moscow. Orthodox St. Tikhon Theological Institute Press. 2000. 287 p.

Macedonian Encyclopedia / [Editor-in-Chief B. Ristovski]. Vol. 2. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts Press. 2009, pp. 812–1671.

Nivière A. (2007) Orthodox Clergymen, Theologians and Church Leaders of the Russian Emigration in Western and Central Europe. 1920–1995: A biographical guide. Moscow. Russky Put Publ.; Paris. YMCA-Press. 576 p.

Russian Diaspora in France: 1919–2000: Biographical Dictionary: In 3 vols. / Under the general editorship: L. Mnukhina, M. Avril, V. Lossky. Moscow. Nauka: House Museum of Marina Tsvetaeva Press. 2008–2010. (Supplement. 2010. 757 p.; <https://dommuseum.ru/museum/nauka/slovar/slovar/?search=Бутчик&id=200>).

Traikovsky Nikola, abbot. (2011) Holy Russia: Records from Macedonia. Skopje. Templum Publ. 2011. 168 p.

Traikovsky Nikola, abbot. (2012) Russian monks in Macedonia / [Transl. from Macedon. by E. Verizhnikova]. Skopje. Makedonska Rech Publ. 77 p.

Boutchik Vladimir. [1947]. La littérature russe en France. Paris. Librairie Ancienne Honoré Champion. 116 p., 4 leaves of plates.: ill.

Lettres d'Aleksej Remizov à Vladimir Butčik / Publication d'Hélène SINANY-Mac LEOD. *Revue des études slaves*. 1981. T. 53. Fascicule 2, pp. 293–312 (https://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1981_num_53_2_5145).

Сведения об авторе:

Елена Владимировна Верижникова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena V. Verizhnikova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
eluska@mail.ru